

«Успеть бы задержаться человечеству на крутом спуске»

Читающий мир уже давно ставит его книги рядом с книгами Достоевского и Льва Толстого, Горького и Шолохова. Мощной глыбой поднимается творчество Леонида Леонова на фоне современного литературного пейзажа. Свидетель потрясающих катаклизмов и острейших схваток XX века, всю жизнь художественно осмысливавший их, он и сегодня продолжает эту масштабную, напряженную, обращенную ко всему человечеству работу.

Два знаменательных события почти совпали по времени: только что журнал «Наш современник» специальным приложением издал первый выпуск нового романа Леонида Леонова с символическим названием «Пирамида» (отдельной книгой выходит в издательстве «Голос»), а в последний день нынешнего мая классик русской литературы отметит свое 95-летие.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что многим нашим читателям хотелось бы встретиться в эти дни с Леонидом Максимовичем, поговорить с ним, задать интересующие их вопросы.

Но я знал: писатель нездоров, 25 апреля его положили в больницу. Поэтому мысль набиваться на интервью при таких обстоятельствах представлялась неуместной. Однако несколько читательских писем и телефонных звонков все-таки подтолкнули меня обратиться к родственному писателю с дерзкой просьбой: спросить, не согласится ли он хоть на пятнадцать минут принять корреспондента «Правды».

Ответ был, честно говоря, неожиданный: Леонид Максимович ждет меня.

29 апреля. Конец Страстной недели, пятница.

Маленькая палата на первом этаже больничного корпуса. В изголовье кровати — стандартная белая тумбочка, на которой стоят будильник и простенький трехпрограммный радиоприемник. Я замечаю, что нет ни телевизора, ни телефона. Пара стульев. Стол. За ним писатель обедает, когда я вхожу. И просит немного подождать.

Голос у него очень тихий, но слова выговаривает четко. Похудевший, даже подсохший, в зеленой клетчатой пижаме, голубой рубашке и длинном синем шарфе, он удивительно элегантен. Однако наибольшее внимание сразу же привлекает взгляд — острый и цепкий, напряженно-ищущий и как бы проникающий.

Спрашивает, успел ли я прочитать «Пирамиду». Интересуется впечатлением от книги, и я говорю, что мне весьма точным показалось его собственное определение: роман-наваждение. В этой книге есть какая-то таинственность и непостижимая до конца глубина. Чтение трудное, но захватывающее.

— Для меня это стало действительно наваждением, — замечает он. — Мысль об ангеле, командированном Богом на землю в нашу жизнь, пришла ко мне полвека назад, поздней осенью предвоенного года. Пришла и потом уже больше не отпускала, заставляя все пятьдесят лет постоянно думать и думать об этом, работать и работать. Ведь работа и по сию пору не закончена...

Я вспомнил предисловие к роману: «Не рассчитывая в оставшие сроки завершить свою последнюю книгу, автор принял решение опубликовать ее в нынешнем состоянии. Спешность решения диктуется близостью самого грозного из всех когда-либо пережитых нами потрясений — вероисповеднических, этнических и социальных — и уже заключительного для землян вообще».

Леонид Максимович спрашивает, появились ли в прессе какие-либо отзывы критиков о романе. Называю то, что попало мне на глаза. Среди первых откликов — слово Петра Аleshкина в газете «Российские вести». Этот номер со мной, потому могу прочесть писателю квинтэссенцию заключения, к которому приходит критик:

«По моему мнению, этот со-

циально-философский роман по своим художественным достоинствам — самое значительное произведение последних лет русской и всей мировой литературы. Он заставляет задуматься не только о судьбе российской интеллигенции, но и о будущем всего человечества. Вместе с тем он написан в остро сюжетной увлекательной форме».

— «Российские вести» и отрывок из романа напечатали, — сообщаю автору.

— А какой?

— Где бывший дьякон Абла-

система у Леонида Максимовича, несмотря на возраст, в порядке. Противопоказаний для лечения нашими методами нет. А главное — оптимизм больного. Вы же видите: выглядит он совершенно неплохо, достаточно энергичен и бодр.

Да, в этом я убедился. Во время беседы нашей ему явно не лежало, он то и дело садился на кровати, начинал горячиться и резко жестикулировать.

Но когда сказал, что попытается сформулировать некоторые особенно существенные, на его взгляд, мысли для читателей «Правды», стал предельно сосредоточенным, и мне на какой-то срок как бы приоткрылась творческая лаборатория большого художника и мыслителя, предельно взыскательного к себе. Когда тщательно отбирается и потом для точности мысли заменяется раз за разом каждое важное слово, когда писатель на глазах буквально мучается в поиске, тягость которого усугублена не только крайней само-

собственный уголок, хоть чулан, отдельную коечку с непрерывным учреждением положенных державам ведомств — от дипломатического и военного до таможенного.

Столь печальное зрелище не может не насторожить и благополучную Европу, потому что происходящее грозит зверской мировой междоусобицей. Слишком много симптомов накопилось, заставляющих, не откладывая на послезавтра, обсудить на диктатурно-мировом уровне и устранить безумно-расточительные, порочные, перед самим Богом греховные, прежде всего — сугубо амбициозные (памятуя судьбу Гамсахурдиа) претензии бессмысленной наггорды, чтобы успеть задержать человечеству на таком крутом спуске в неизвестность.

Наша нынешняя ситуация должна стать поучительной для еще благоденствующих пока отдельных народов, ибо целостная, мною блистательная, но в действительности бесконечно хрупкая сегодняшняя духовно-материальная цивилизация чересчур напоминает вальсирование пир. И три зловещих непонятных слова, которые предсказали в свое время гибель: мене, теке, упарси! Уже пламенеет это роковое предупреждение в нашем обжитом сообществе, остерегая от грядущей, надвигающейся катастрофы.

Научный прогноз обещает к 20-м годам предстоящего века рост населения Земли до 9,3 миллиарда человек, к 40-м годам — до 13 с половиной миллиардов. А в 2200 году, если демографический процесс будет продолжаться так, как он идет сейчас, на планете нашей ожидается 260 миллиардов человек — это примерно плотность населения сегодняшней Москвы по всей земной поверхности! Что может быть опаснее, нежели взаимная озлобленность и взрывчатая вражда между ними?

Примечательно: мудрейший Запад, хранитель ценностей, в начале нынешнего века был уже озабочен предчувствием своей старости, беспокоился приближением заката (вспомните книгу Шпенглера «Закат Европы»), но он лишь теперь пытается объединиться на пороге будущего. Решает перестроиться в единое множество, чтобы сохраниваться и омолаживаться, повысить свою жизнеспособность и прочность в предвидении неизбежных перемен. Невольно думаю, как мы пойдем и какими придем к этим переменам.

К сожалению, многое из того, что хотелось мне сказать в новой моей книге, осталось невысказанным. Малособлазнительную возможную модель страны обрисовать устремился. Надеюсь, книга эта будет воспринята лишь как прижизненное литературное наследство.

...Уже пять часов пополудни. Начался разговор наш в два. Леонид Максимович устал. Я прощаюсь. Мы по-русски троекратно целуемся.

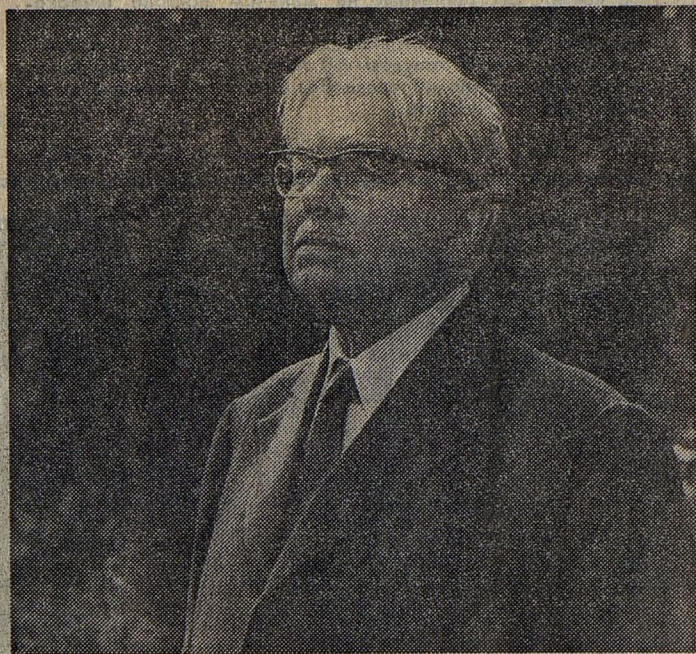
А в больничное окно бросает тихий, задумчивый ответ предвечернее солнце, и мне грустно оставлять старого писателя в одиночестве. Кажется, я понимаю, как невыносимо трудно противостоять и схватываются в нем вдохновляющий оптимизм, надежда, вера в лучшее и поистине вселенская тревога, горестная удрученность, безысходная печаль.

Когда я собирался к нему, Юрий Васильевич Бондарев, считающий себя учеником Леонова в литературе, сказал: «Учитель все последние годы ведет диалог с вечностью».

Закрываю за собой дверь. Великий писатель продолжит свой драматический диалог.

Виктор КОЖЕМАКО.

Великий русский писатель в канун своего 95-летия встретился и беседовал с корреспондентом «Правды»

ев, лишенный всех гражданских прав, в том числе права на труд, чтобы получить работу и спасти своих малолетних детей от голодной смерти, идет на отчаянный шаг — публично, в клубе, отрекается от Бога. А потом умирает.

Напоминаю Леониду Максимовичу, что в разные годы «Правда» первой знакомила читателей с новыми его произведениями.

— Может, и сейчас нам тоже главы из «Пирамиды» опубликовать?

— Трудно из целого отобрать законченные отрывки, — с сомнением качает он головой. — Там все как-то взаимосвязано и вытекает одно из другого.

Мы говорим о литературе, о прежней и сегодняшней нашей жизни, о том, что нас ждет впереди. Леонид Максимович просит обо всем этом пока не писать, ибо не все оценки окончательны и для многих выводов, чтобы предать их публичности, время еще не пришло.

В разгар беседы заходит Инна Викторовна, его лечащий врач. Она говорит, что завтра начнутся процедуры: пусть Леонид Максимович подготовится. А на мой вопрос, каковы перспективы лечения, отвечает:

— Нормальные. Мы выпишем таких больных в добром здравии. Сердечно-сосудистая

требуемость, но и возрастом, болезнями, от которых все же не отмахнешься...

Вот размышления Леонида Леонова — так, как я их записал:

— Прошлое, пережитое нами, должно стать надежным уроком на будущее. Тут почти столетний урок. Прошлое так кроваво, так трудно. Оно свидетельствует, до какой степени односторонне и неосторожно увлекались мы материально-социальным, считая его основой, без заглядки в ближайшее завтра. В этой связи моя новая книга заслуживает, вероятно, большего внимания, чем предыдущие.

Все утопии, социальные в том числе, были нацелены на достижение однозначного материального благополучия, которое представлялось нам базой счастья человеческого. И не задавались раздумьем, хватит ли всей жилищной земного шара для размещения оных, счастливых-то.

Эта тесная жилищная становится востину нашей коммунальной квартирой, гиблая обстановка которой сотрясается неутолимыми ненавистью и враждой к соседу за фанерной перегородкой. Мы на шестой части суши, еще вчера единый материк, разбиваемся, мельчаем, хлопочем выделить себе свой